

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et Classica
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue LXIX

History and Culture
of Traditional Japan 10

St. Petersburg
2017

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**
et **Classica**

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск LXIX

История и культура традиционной Японии 10

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)-7я43
И90

*Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда (Japan Foundation)
и Международного фонда Шодиева*

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности

Выпуск LXIX

Под редакцией *И. С. Смирнова*

История и культура традиционной Японии 10

Ответственный редактор *А. Н. Мещеряков*
Редакторы *Н. Н. Трубникова, И. А. Оказов*

ISBN 978-5-89332-295-8

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017
© Институт восточных культур
и античности, 2017
© Издательский Дом «Пиперион», 2017

Айны как «другой» Японии в сочинениях японских мыслителей XVIII в.

В. В. Щепкин

ИБР РАН

После того как к середине XVII в. завершилось оформление политической и социально-экономической системы Японии под властью сёгунов Токугава, в стране наблюдалось бурное развитие наук и искусств. В течение второй половины XVII в. активно развивались также общественная мысль и прикладные науки, а знакомство с книгопечатанием позволяло новым знаниям распространяться быстро и широко среди разных слоев населения.

Знания о мировой географии в XVII в. также значительно расширились и углублялись. В конце XVI и первой половине XVII в. наблюдалась небывалая активность японцев на море. Японские торговцы побывали во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии и даже в Индии; число японских поселений за рубежом измерялось десятками. До тех пор в Японии господствовали представления о мире, основанные на буддийской космологии. Согласно им, мир в целом ограничивался территорией трех стран — Индии, Китая и Японии, причем первая находилась в центре, а последняя — на периферии мира. Теперь же знания японцев о странах мира основывались на реальном опыте, а практическая необходимость в навигации и картографии приводила к большей точности описаний и изображений. Кроме того, общение с представителями других народов, в первую очередь европейцами, давало сведения и о более удаленных, не посещавшихся японцами странах и регионах. Японские мореплаватели привозили с собой составленные в Европе и Китае карты и описания. К первой половине XVII в. относится, например, труд японского мореплавателя Икэда Коун (池田好運) под условным названием «Записи о плаваниях в годы Гэнна» (元和航海書, «Гэнна ко:кайгаки»). Икэда на европейских судах совершал плавания во многие страны Юго-Восточной Азии, во время которых изучал западные методы навигации, ориентирования и т. д., что вместе с другими полезными сведениями и изложил в упомянутом сочинении.

Пока японцы еще вели активную деятельность на море, новые знания не выходили за пределы профессиональных кругов. Когда же к середине XVII в. внешняя торговля была отдана в руки иностранцев, для японцев наступил период затишья, позволивший «переварить» накопленную за десятилетия информацию. Наибольшую известность во второй

половине XVII в. получило сочинение японского купца Тэндзику Токубэй (天竺徳兵衛, 1612–?) «Сказание о плаваниях Тэндзику» (天竺渡海物語, «Тэндзику токай моногатари»), или «Сказание о плавании в Индию». «Тэндзику» — японское чтение китайского слова для обозначения Индии, а сам купец получил это имя именно вследствие ее посещения. Тэндзику Токубэй смог побывать в Индии, Сиаме, Китае и занимательно описал свои путешествия и события, очевидцем которых он стал. Книга Токубэя завоевала такую популярность, что сам автор стал героем театральных пьес *кабуки* и *дзёрури*.

Первые сочинения по географии также относятся к концу XVII в. Одним из самых известных авторов стал Нисикава Дзэкэн (1648–1724), специалист по астрономии и календарям из Нагасаки. В посвященной ему статье А. А. Новикова приводит список из семи сочинений Нисикава по географии¹. Пожалуй, наиболее известным из них является «Исследование торговых сношений Китая и варваров» (華夷通商考, «*Kau цу:сё: ко:*»), написанное в 1695 г. и состоящее из двух тетрадей. В нем автор, основываясь на разных источниках, описывает все известные ему на тот момент страны и регионы мира. Первый том сочинения полностью посвящен описанию провинций Китая. Во втором томе страны мира сгруппированы следующим образом. Первую группу составляют «внешние государства» (外國, *гайкоку*) — те, в которых, по определению автора, следуют китайским законам, используют китайское письмо и распространены три учения — конфуцианство, даосизм, буддизм (таковых пять). Во вторую группу включены «внешние варвары» (外夷, *гайи*) — страны, которые торгуют с Китаем, но используют горизонтальное письмо (всего одиннадцать). Отдельную группу составляют страны, с которыми осуществляет торговлю Голландия (всего тридцать пять). Наконец, сочинение завершается описанием стран, с которыми Япония некогда имела отношения, но теперь они либо запрещены, либо прерваны (всего восемь стран и территорий).

Основной вектор внешней политики Японии в первой половине XVII в. был направлен на юг: от княжества Цусима и Сацума, через которые стали осуществляться отношения с Кореей и Рюкю, и Нагасаки, ставший основным портом торговли с китайскими и голландскими купцами, находились на самом южном из крупнейших островов Японии — Кюсю — или прилегали к нему. На протяжении многих столетий иностранные суда прибывали в Японию с юга и запада. Этим объясняется и большая освещенность географии Юго-Восточной Азии и Европы в японских сочинениях XVII в. Север же традиционно считался «глухим» направлением: там велась торговля с «варварами» — айнами, не имевшими собственного государства. Японцы XVII в. слабо представляли даже то, насколько далеко простираются земли, населенные айнами. А о более северных краях

¹ Новикова А. А. Мифические элементы в географических трудах Нисикава Дзэкэн (1648–1724) // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 108.

они думали как о стране вечной ночи и в своих представлениях населяли ее мифическими существами.

Более обширными и достоверными сведениями об айнах и их землях располагали в княжестве Мацумаэ, которое, однако, не стремилось распространять эти знания, тщательно оберегая монополию на торговые отношения с северным народом. Однако со второй половины XVIII в., особенно после подавления восстания Сякусяина в 1669 г., интерес к землям айнов стали проявлять и некоторые жители центральной Японии. В 1688 г. по приказу главы княжества Мито Токугава Мицукуни (1628–1701) состоялось плавание судна «Кайфумару», продлившееся сорок дней. Судно достигло устья реки Исикари на западном побережье Хоккайдо; впрочем, больших результатов экспедиция не имела и о каких-либо сочинениях, созданных по ее окончании, неизвестно. Однако позже некоторыми материалами этой экспедиции, возможно, пользовался известный мыслитель Араи Хакусэки (1657–1725) при написании своего сочинения «Описание Эдзо» (蝦夷志, «Эдзоси»), которое увидело свет в 1720 г. После этого в течение XVIII в. айны стали привлекать к себе интерес многих столичных и провинциальных интеллектуалов. Некоторые из них посвящали айнам и их землям отдельные сочинения, другие упоминали о них в не связанных напрямую с проблемой освоения северных земель текстах. Особенно много сочинений на эту тему стало появляться на фоне активизации деятельности центрального правительства Японии по изучению земель айнов в 1780–1790-х гг., когда началось продвижение России по Курильским островам. С включением Хоккайдо и прилегающих островов в земли прямого подчинения центральному правительству в начале XIX в. айны оказались единственным этнически отличным меньшинством, проживающим на территории Японского архипелага. Постепенно айны наряду с Китаем и странами Запада стали для японских интеллектуалов значимым «другим» в их попытках самоидентификации. В данной статье мы хотели бы проследить изменение восприятия айнов в трудах японских мыслителей XVIII в.

Одним из важнейших источников о представлениях японцев XVII–XVIII вв. о мире является «Японо-китайская иллюстрированная энциклопедия трёх начал» (和漢三才圖會, «Вакан сансай дзюэ»), составленная в 1712 г. врачом из Осаки Тэрадзима Рёан (1654–?). Сведения об айнах содержатся в разделе «Эдзо» 13-го тома «Люди других стран» (異国人物, «Икоку дзимбуцу»). Приведем здесь перевод отрывка, касающегося внешности айнов.

Айны с начала времен ничего не знают о мире. Со времен государя Кэйко они являются рабами нашего государства. Рост их 6 сяку². Волосы их распущены, усы и бороды длинны и свисают, заслоняя рот. Во время еды и питья они приподнимают усы палочкой и медленно прихлебывают. Глаза у них круглые, большие, и сверкают. Внешностью напоминают духов-якша. Все они ходят босыми, в распахнутых одеждах, не подвязывая их. Они умело

² Около 180 см.

бесшумно взбираются на вершины, избегают на кручи. плавают по воде. Тела их легки и быстры, как у птиц и зверей. Вероятно, это потому, что они не едят соли и соевого соуса. Когда у них нет сил поднять тяжесть, они используют силу головы, нося тяжести на лбу. Люди этой страны редко доживают до 40–50 лет. Видимо, это потому, что они едят мясо, но не едят риса. Если заболевают лихорадкой, многие умирают. Особенно опасна оспенная сыпь, поскольку им неизвестна медицина [...]. В стране той нет письменности, язык непонятен. Лишь в последнее время изредка встречаются понимающие японский язык. Вино они называют *сакэ*. Также они пьют рыбий жир, называя его *абурасаке*. Время от времени им жалуют японское *сакэ*, и когда они его пьют, то чрезвычайно радуются. Мечи они носят на спине, луки зажимают под мышкой. Охотятся на съедобных птиц и зверей, стреляя в них. Далеко заходить не осмеливаются³.

Несмотря на то, что данное описание содержит немало достоверных сведений (полученных, судя по всему, от людей, непосредственно бывавших в землях айнов), в целом оно создает отчетливо контрастный образ айнов по сравнению с японцами. В тексте, написанном на китайском языке, используется большое количество речевых штампов, которые употреблялись для описания варваров еще в древнекитайских классических сочинениях. В целом образ жизни айнов и их внешний вид уподобляется животному.

Во многом приведенные выше сведения схожи с описанием айнов в сочинении Араи Хакусэки «Описание Эдзо». Хакусэки был видным государственным и политическим деятелем и принимал активное участие в делах *бакуфу*. В 1709–1716 гг. он занимал пост советника при шестом и седьмом сёгунах (Токугава Иэнобу и Иэцуту) и фактически определял политический курс правительства. Это, помимо прочего, позволяло ему свободно пользоваться различными правительственными документами — такими как, например, «Записи, преподнесенные Мацумаэ, правителем Сима, в 5-й год правления Сётоку (1715 г. — В. III.)», составленные на основании приказа *бакуфу* сообщить сведения о географии и обычаях земель айнов. Кроме того, он состоял в дружеских отношениях с Асака Тампаку (1656–1738), служившим главой исторической палаты (彰考館, *Сё:ко:кан*) княжества Мито, в которой создавался крупнейший исторический труд Японии «*Дай Нихон си*» — «История Великой Японии». В итоге среди японцев своего времени Араи Хакусэки был одним из наиболее осведомленных об обстановке в землях айнов. Вот как он описал в своем сочинении внешний вид айнов:

У мужчин распушенные волосы, длинная борода, [они] прокалывают уши и вставляют серебряные кольца. Волосы волнистые и короткие, низкие люди используют для серег свинец и олово. В качестве одежды они используют тонкое кимоно без подкладки, запахиваются справа налево. Одежду носят

³ Вакан сансай дзэу [Японо-китайская иллюстрированная энциклопедия трёх начал] / ред. Тэрадзима Рёан. Т. 1. Токио: Тю:киндо., 1884. С. 676.

длинную с сужающимися рукавами, поясницу связывают узким поясом. Предводители используют для одежды шелк со змеиным узором, разноцветный шелк и шелк с разными рисунками, а на шею вешают длинный меч. Эти длинные мечи называют «подвесными мечами», окрашивают их золотом, инкрустируют серебром, а в качестве ремня используют тесьму с красной каймой. Люди низшего положения плетут ткани из бомерии или древесного волокна, а для украшения делают вышивки. Вся одежда, которая касается тела, хлопчатобумажная или из звериных шкур. В то же время женщины завязывают волосы в узел на темени, в уши вставляют сделанные из серебра цепи. Они окрашивают губы соком зеленых трав. Лицо и руки покрывают татуировкой в виде цветочных узоров, все они тонки и изысканны. Делает её мать в детском возрасте. Одежда подобна мужской, с тем лишь отличием, что они не используют вышивку со змеиным узором. Подвязываются широким поясом, а на шею для украшения подвешивают серебряные зеркала [...]. Ни мужчины, ни женщины обуви не носят, ходят босыми. В домах жилые и нежилые комнаты не разделяются, дом состоит лишь из четырех стен, окна и двери пробивают насквозь, крышу покрывают тростником, а землю устилают плетеными из осоки циновками. Отцы и дети, старшие и младшие живут вперемешку, вместе спят и едят. Между мужчинами и женщинами отличий нет, кто выше, кто ниже, не установлено⁴.

Как можно видеть из приведенного отрывка, Араи Хакусэки значительно дополнил сведения энциклопедии «*Вакан сансай дзюэ*» подробностями, касающимися одежды, внешнего вида и жилищ айнов. Однако в целом текст сохраняет акценты на отличиях в обычаях и культуре и на их варварской сущности. Хакусэки не свойственен путь к пониманию чужой культуры, при котором смысл и функции обычаев айнов определялись бы жизнедеятельностью айнского общества. Как и Тэрадзима Рёан, он попытался уместить их в сложившуюся конфуцианскую систему оценок. Как и энциклопедия «*Вакан сансай дзюэ*», «Описание Эдзо» написано по-китайски и содержит большое число традиционных штампов (например, 左衽 «запахиваются справа налево», 被髮長鬚 «распущенные волосы и длинные бороды»). Такие формулы вольно или невольно помещали обычаи айнов в категорию варварских в рамках дихотомии цивилизованного центра и варварских окраин (кит. *хуа* и *чжи бянь* 華夷之辨). В этом смысле и Тэрадзима Рёан, и Араи Хакусэки недалеко ушли от составителей «Анналов Японии» (720 г.), в которых приводится следующее описание эмиси — как считается, предков айнов:

Среди восточных дикарей самые сильные — эмиси. Мужчины и женщины у них соединяются беспорядочно, кто отец, кто сын — не различается. Зимой они живут в пещерах, летом — в гнездах [на деревьях]. Носят звериные шкуры, пьют сырую кровь, старший и младший брат другу другу не доверяют. В горы они взбираются подобно птицам, по траве мчатся, как дикие

⁴ Араи Хакусэки. Эдзо си [Описание Эдзо] // Хоппо: мико:кай комондзё сю:сэй [Собрание неопубликованных архивных материалов о Севере]. Т. 1. Токио: Со:бунся, 1979. С. 46.

звери. Добро забывают, но если им вред причинить — непременно отомстят. Еще — спрятав стрелы в волосах и привязав клинок под одеждой, они, собравшись гурьбой соплеменников, нарушают границы, или же, разведав, где поля и шелковица, грабят народ страны [Ямато]. Если на них нападают, они скрываются в траве, если преследуют — взбираются в горы. Издревле и поныне они не подчиняются владыкам [Ямато]⁵.

Контраст вышеизложенным взглядам составляет восприятие айнов самобытным японским мыслителем Андо Сёэки (1703–1762). В своем сочинении «Истинное предание о всеобщем пути» (統道真伝, «То:до: синдэн») в разделе «Страна восточных варваров» (東夷国, «То:икоку») он приводит следующее их описание:

Варвары (идзин) появились из застывшего духа рыбы и плодов. Хотя японцы привозят им на кораблях рис, они обычно едят плоды и кету. Зимой охотятся на медведей и кабанов и едят их мясо, носят одежду из древесной коры. Что до внешности, они высокого роста, глаза цветом как у обезьян, лицами грубы, однако любовь между супругами глубока, и живут они долго. Образы мыслей их неумелый, однако, поскольку нет обращения серебра и золота, нет и жажды накопления, нарядов и роскоши, зла и лести, как нет и разделения на высших и низших, а потому и угнетения нет. Нет в их землях и смут, когда все друг у друга захватывают всё военной силой. Поскольку среди них нет нелепых речей и ложных учений совершенных мудрецов и Шахьямуни, нет также желаний и страстей. Поскольку нет таких выдумок, как науки и письменность, сердца их прямы и честны⁶.

Андо Сёэки известен своей исторической концепцией, согласно которой все общества изначально проживают в «мире природы» (自然世, сидзэнсэй), и лишь позже некоторые из них вступают в «мир закона» (法世, хо:сэй)⁷. Описывая общество и быт айнов, Андо Сёэки словно делает их наглядным примером для этой концепции. Критично относясь к современному ему японскому обществу, яркому примеру «мира закона», Сёэки идеализирует простой и более человечный «мир природы» айнов, в котором нет места алчности, роскоши и коварству.

Идеи Андо Сёэки о необходимости отказа от пришлых учений Конфуция и Будды и возвращения к исконному «миру природы» в чем-то перекликаются со взглядами ученого-натурфилософа Мотоори Норинага (1730–1801), считавшего, что истинный путь Японии должна искать в «веке богов» и древнем периоде своей истории, до начала влияния пришлых китайских учений. Что касается заслуг Мотоори Норинага в деле

⁵ Нихон сёки — *Анналы Японии* / пер. со старояп. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 1. СПб.: Гиперион, 1997. С. 246, 450.

⁶ Цит. по: *Кикүти Исао*. Аину миндзоку то нихондзин. Хигаси адзиа но нака но эдзоти [Айны и японцы. Земли айнов как часть Восточной Азии]. Токио: Асахи симбунся, 1999. С. 219–220.

⁷ *Радуль-Затуловский Я. Б.* Андо Сёэки — философ-материалист XVIII века. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 49–52.

преодоления традиционных воззрений на айнов, то таковых можно выделить две. Во-первых, он критично относился к восприятию некоторых общепринятых в Японии обычаев как нормы. Наглядным примером могут служить его рассуждения об обычае «запахиваться слева направо» (на отсутствие которого у айнов указывал Араи Хакусэки). Норианага пишет, что этот обычай был введен в Японии только в 713 г. с принятием законодательного кодекса «*Ёро ришурё*», а до тех пор запахиваться справа налево было нормальным для японцев, и приводит в пример некоторые ханьца и каменные статуи⁸. Во-вторых, Норианага указывал на необходимость изучения деревни и окраин в поисках сохранившихся обычаев древности. Он обращал внимание, что во многих провинциальных диалектах нормы древнего языка сохраняются и в устной речи, а многие обычаи, в том числе свадебные и похоронные, не испытали сильного континентального влияния⁹. Эти установки окажут влияние уже на его учеников, однако во взглядах самого Мотоори Норианага на айнов едва ли сказываются.

Показательным является фрагмент из сочинения Норианага «Цветы пуэрарии», в котором он отвечает на критику со стороны конфуцианца Итикава Тамон (1740–1795). Позиция последнего сводилась к тому, что «именно вступление на путь совершенномудрых было благом для небесного государя (*тэнно*)», поскольку без этого «древность нашего государства была подобна жизни варваров (*эдзо*, т. е. айнов)». В ответ на это Норианага заявлял, что подобные мнения бесцеремонны по отношению к государю и являются не более чем «вздорными и дурными речами, сравнивающими век древних государей с варварскими островами и уподобляющие его зверям и птицам». Согласно Норианага, «эдзо отличны по происхождению от людей нашей страны, и до сих пор их внешний вид во многом отличается, например, обилием растительности на лице, да и сердцем, и поведением они отличны от нас». И хотя «до средней древности эдзо в большом числе проживали в провинциях Муцу и Дэва, смешиваясь с людьми нашей страны, и среди них даже были такие, кто перенимал обычаи нашей страны и воспитывался, в исторических книгах говорится, что менялись они с трудом, а это опять же свидетельствует об их коренном отличии от нас. Поэтому сравнивать древность Японии и варваров эдзо нельзя»¹⁰. В этом смысле Мотоори Норианага мало отличался от конфуцианца Хакусэки.

⁸ Мотоори Норианага. Кэнкё:дзин [Тиски для безумцев] // Мотоори Норианага дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мотоори Норианага]. Т. 8. Токио: Тикума сёбо., 1972. С. 294–295.

⁹ Мотоори Норианага. Тамакацума [Корзина драгоценностей] // Мотоори Норианага дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мотоори Норианага]. Т. 1. Токио: Тикума сёбо., 1968. С. 231, 235.

¹⁰ Мотоори Норианага. Кудзухана [Цветы пуэрарии] // Мотоори Норианага дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мотоори Норианага]. Т. 8. Токио: Тикума сёбо., 1972. С. 136–137.

Однако указание Норинага на необходимость изучения деревни и окраин в поисках сохранившихся обычаев древности дало возможность его ученикам преодолеть подобную позицию своего наставника. Хорошим примером может служить Сугаэ Масуми (1754–1829), который долгое время путешествовал по северо-востоку Японии и дважды побывал в землях айнов. Пожалуй, именно он первым начал смотреть на обычаи айнов не как на варварские, а как на обусловленные сферой их обитания. Сугаэ Масуми побывал в землях айнов в 1789 и 1791 гг., во время поездок он вел дневник, озаглавленный «Обычаи айнов» (蝦夷迺天布利, «Эдзо но тэбури»). В нем он описал жилища айнов, одежду, музыкальные инструменты, исполнение песен, ритуал «отправления» медведя, охоту на морских котиков, пытаясь при этом рассматривать их в тесной связи со смыслом их айнских названий. Про жилища айнов он пишет, что, хотя снаружи они выглядят грязно и убого, но если войти внутрь, окажутся просторными, в кухнях на песке выстланы циновки и чисто, в окна свежо дует вечерний ветер, пол высок, так что блохам не запрыгнуть внутрь, и в целом живут они куда богаче и лучше, чем бедные крестьяне и мелкие ремесленники Японии. Также Сугаэ Масуми указывал на терпимость и снисходительность айнов, тепло принимавших беглых преступников или спасавшихся от голода крестьян из Японии. Последние зачастую оставались жить среди айнов навсегда¹¹.

Непосредственный контакт с айнами помог Сугаэ Масуми и в изучении культуры северо-востока Японии. В частности, он записал предания о живших на северной оконечности Хонсю айнах, а также обратил внимание на большое количество местных топонимов, имеющих айнские корни, на общие слова в языках айнов и *матаги* — охотников северо-востока Японии. Кроме того, Сугаэ Масуми указывал на схожесть некоторых обычаев айнов с древними японскими обычаями. Так, он пишет, что айнские укрепления *цаси* похожи на древнеяпонские укрепления *инаги* и *мидзуки*, а то, как айны измеряют длину с помощью расставленных рук, напоминает древний японский обычай *табакари*. В то же время Сугаэ Масуми не дошел до того, чтобы поставить знак равенства между культурой айнов и древней японской культурой, склоняясь скорее к тому, что сегодня называется культурным диффузионизмом.

В 1780-х гг., когда вопрос об айнах стал прочно увязываться с проблемой взаимоотношений с Россией и возможного освоения Хоккайдо, японские мыслители обратились к европейскому опыту колонизации новых земель и покорения «диких» народов. Хаяси Сихэй (1738–1793), изучавший колониальный опыт европейских стран и вдохновленный деятельностью российской императрицы Екатерины II, предлагал пересмотреть отношение к населенным айнами землям и считать их частью японского государства, а по отношению к айнам вести миролюбивую политику просвещения.

¹¹ Кижутти Исао. Аину миндзоку то нихондзин. С. 225–227.

На Эдзо такие же люди, [как и мы]. Однако в этой стране не знают плодов цивилизации. Даже сейчас у них, как во времена сотворения мира, нет денег, зерна и шелка, письменности, церемониальных платьев, летосчисления. Я слышал, что им нужны лишь еда и половые сношения. Очень интригует тот факт, что в этой стране не появляется мудрецов, которые бы учили других. Если подумать о началах любой из стран, то и Япония, и Китай, и Корея, и Голландия хоть и являются сегодня цивилизованными странами, во времена сотворения мира были подобны сегодняшней земле Эдзо, но появлялись великие мудрецы, и благодаря просвещению на протяжении нескольких тысяч лет все мы стали цивилизованными странами. Нет сомнений, что если бы и в Эдзо появились мудрецы, то и эта страна постепенно стала бы цивилизованной. Однако этой убогой стране все никак не везет, и со времен сотворения мира там не появилось ни одного мудреца, а ждать их появления в будущем непозволительно. Поэтому ради их спасения принести просвещение и гуманность, начать производство и помочь в развитии должна соседняя страна. Это то, чему нас учат синтоизм, буддизм и конфуцианство. Более того, границы Эдзо близки, и если они [айны] будут относиться к Японии с уважением и доверием, если их немного обучить, то их обычаи сразу изменятся. Это должны усвоить даже моряки и торговцы, посещающие их земли¹².

Наследуя традиционный взгляд на Японию и айнов как на центр варваров, такие мыслители, как Хаяси Сихэй, пытались вдохнуть в эту схему новую жизнь, добавляя в нее активное начало, что сближало их воззрения с европейскими идеями вертикальной ранжированности народов. В то же время Хаяси Сихэй еще ничего не говорит об общем происхождении японцев и айнов, обоснованием для включения земель айнов в состав Японии для него служат скорее соседство, исторические и торговые связи между двумя народами.

Дальше других пошел известный исследователь северных земель, участник нескольких правительственных экспедиций Могами Токунаи (1754–1836). Он заявлял, что айны не являются иным народом, а имеют общие с японцами корни; причины же их отличий лежат в том, что в древности они не были затронуты учением мудрецов, не соблюдали законы и сохранили дикие нравы, а таких людей и стали называть в древности «эдзо»¹³. На чем же были основаны суждения Токунаи об общем происхождении айнов и японцев? Так, обычай *иомантэ* («отправление» медведя) он весьма вольно интерпретирует следующим образом: это «большое празднество», во время которого молят о благополучной охоте и рыбной ловле на море, убийство медведя во время него — подобно осен-

¹² Хаяси Сихэй. Сангоку цу:ран дзусэцу [Общий обзор трех стран с приложением карт] // Симпэн Хаяси Сихэй дзэнсю: [Полное собрание сочинений Хаяси Сихэй в новой редакции]. Т. 2. Токио: Дайити сёбо:, 1979. С. 41.

¹³ Могами Токунаи. Эдзо коку фу:дзоку ниндзэ: но сата [Сведения об обычаях и нравах страны Эдзо] // Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй [Собрание исторических источников о жизни простого народа Японии]. Т. 4. Токио: Санъити сёбо:., 1969. С. 442.

ним жертвам родовым божествам, а приношения после убийства похожи на кормление голодных духов *сэгаки* в буддизме. Таким образом, в целом ритуал соответствует осеннему *мацури* японских крестьян, как он отмечался в древности¹⁴. Про обычай *укару* (битва дубинками) он пишет: «То, как [сражающиеся] одинаково танцуют и подпрыгивают, а затем вместе с силой топают, похоже на то, что делают японские борцы *сумо* при вхождении на ринг, поэтому и обычай этот — видеоизмененное *сумо* как акт богослужения»¹⁵. Также Токунаи указывает на большое количество совпадений в языке. Айнское «*номи*» (молитва) соответствует японскому «*номи*», использовавшемуся в таком значении в «*Нихон сёки*»; «*нуса*» (алтарь) — японскому «*нуса*» (бумажные полоски с молитвами); «*камуц*» — японскому «*ками*»; «*мисаки*» (мыс) — японскому «*мисаки*»; «*томари*» (гавань) — «*томари*» (постановка на якорь); «*онками*» — японскому «*огами*» (поклонение, молитва); «*мототори*» (волосы) — «*мотодори*» (узел из волос); и т. д. Согласно Токунаи, все эти айнские слова происходят от древних японских¹⁶.

Таким образом, Могами Токунаи видел в айнах жителей отдаленных окраин Японии, до которых в свое время не дошло благотворное влияние цивилизации, а потому считал необходимым это исправить. В то же время многие положения Могами Токунаи, обосновывающие общность происхождения японцев и айнов, выглядят натянутыми. Очевидно, что такая позиция служила своего рода идеологическим основанием для включения земель айнов в состав японского государства, сторонником чего и был Могами Токунаи. Эта точка зрения активно использовалась чиновниками *бакуфу* во время переговоров с посольством Путятина о разграничении на Курилах и Сахалине в 1854–1855 гг.

Можно видеть, что общим для всех мыслителей является признание в той или иной степени отличности айнов от японцев и их более низкого (в европейском понимании) или далекого от центра (в традиционном китайском понимании) положения в дихотомии цивилизованности и дикости. В то же время совершенно четко можно противопоставить взгляды «книжников» (к ним относились и конфуцианец Араи Хакусэки, и нативист Мотоори Норинага, и даже стоявший особняком Андо Сэки), черпавших сведения об айнах опосредованно и находившихся в плену традиционных представлений о них как о варварах, — и «практиков», которые имели личный опыт общения с айнами (как Сугаэ Масуми и Могами Токунаи) или смотрели на них с совершенно новых для Японии позиций (как Хаяси Сихэй).

Помимо айнов в дискурсе периода Эдо по вопросам этнических отличий нередко упоминались также жители королевства Рюкю и корейцы; и те, и другие также помещались ниже японцев в воображаемой иерархии цивилизованности. Однако именно айны — вероятно, в силу их наибольших как антропологических, так и социальных отличий —

¹⁴ Там же. С. 454.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 460.

занимали в этом дискурсе главенствующее место. Примечательно, что Хаяси Сихэй, описавший в своем сочинении «Общий обзор трех стран» все три упомянутых народа, большую его часть посвятил именно айнам. Не случайно поэтому, что в следующий период японской истории первые внешнеполитические шаги правительства будут направлены в сторону айнов и их земель.

С началом переустройства всех сторон государственной жизни по европейскому образцу в 1860-х гг. японское правительство, с одной стороны, взялось за построение национального государства, приступив к ассимиляции этнических меньшинств страны, с другой — провозгласило себя империей и, как следствие, ощущало необходимость наличия колоний и подчиненного населения, этнически отличного от японцев. Результатом такой двойственной политики стал выход в 1899 г. «Закона об охране бывшего коренного населения Хоккайдо», номинально нацеленного на предоставление айнам равных с этническими японцами прав, а на деле оказавшегося законодательной основой для почти столетних притеснений. На наш взгляд, как сам закон, так и его неоднозначные последствия были обусловлены в том числе сложившейся к концу XIX в. ситуацией, при которой айны воспринимались как основное этническое меньшинство на территории Японского архипелага, на которое была направлена цивилизаторская деятельность центрального правительства. Японский автор Ямакава Цутому обращает внимание на тот факт, что принятие этого закона пришлось на период между Японо-китайской войной 1894–1895 гг. и Русско-японской войной 1904–1905 гг., — пору резкого роста имперского сознания в правительственных кругах и широких общественных слоях Японии¹⁷. По результатам первой из этих войн Япония получала от Китая Тайвань, победа во второй открыла для Японии путь к аннексии Кореи, произошедшей в 1910 г. Политика, предпринятая японскими властями в отношении населения Тайваня и Кореи, имела много общего с тем, что происходило на Хоккайдо с айнами в течение второй половины XIX в. По большому счету, именно успешный опыт «освоения» Хоккайдо был взят за основу в колонизационных проектах на Тайване, в Корее, а позже и в Маньчжурии. В то же время деятельность японских властей в колониях оправдывалась их цивилизующей миссией по отношению к другим народам Азии. Айны и принятый в отношении них закон стали, таким образом, первым опытом японского империализма, для видимости и пропаганды успехов которого сохранение айнов как меньшинства было необходимо¹⁸.

¹⁷ Ямакава Цутому 山川力. Мэйдзики аину миндзоку сэйсакурон 明治期アイヌ民族政策論 [Политика в отношении айнов в период Мэйдзи]. Токио: Мирайся, 1996. С. 115–116.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014. С. 340–371.

Авторы сборника

Бабкова Майя Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Беляев Александр Павлович — преподаватель Института восточных культур и античности РГГУ.

Боборькина Екатерина Евгеньевна — студентка магистратуры Токийского университета Гакутэй (Токио).

Борькина Анастасия Юрьевна — аспирантка восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Власова Наталия Васильевна — преподаватель Института восточных культур и античности РГГУ.

Войтишек Елена Эдмундовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая отделением и кафедрой востоковедения Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Голубченко Станислава Игоревна — студентка IV курса Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Дудко Анастасия Андреевна — студентка магистратуры Института восточных культур и античности РГГУ.

Дулина Анна Михайловна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Дьяконова Елена Михайловна — кандидат филологических наук, профессор Института восточных культур и античности РГГУ, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

Есипова Маргарита Владимировна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра методологии исторического музыкознания Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, старший научный сотрудник сектора искусства Азии и Африки Государственного института искусствознания.

Климов Артем Вадимович — старший преподаватель Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Климов Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Климова Ольга Вадимовна — PhD, доцент департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ковалевская Анна Игоревна — аспирантка Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Лебедева Ольга Игоревна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, сотрудник общества «Мемориал».

Луцкий Александр Леонидович — кандидат филологических наук, член Союза журналистов России.

Марахонова Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Мещеряков Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Института восточных культур и античности РГГУ и Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Мухамбетов Адиль — студент магистратуры географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Оськина Анна Сергеевна — преподаватель Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Речкалова Анастасия Александровна — аспирантка отделения востоковедения гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Спицына Ксения Андреевна — кандидат экономических наук, независимый исследователь.

Теракопян Мария Леонидовна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института киноискусства ВГИК им. С. А. Герасимова.

Тихоцкая Ирина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Торопыгина Мария Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Трубникова Надежда Николаевна — доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии»; старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Трухан Дарья Владимировна — соискатель Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Цой Мария Константиновна — аспирантка кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шарова Анна Борисовна — аспирантка кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Щекин Василий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Содержание

<i>А. Н. Мещеряков</i>	
Двадцать лет спустя	5
<i>Эннин. Перевод и комментарии Н. В. Власовой</i>	
Записи о паломничестве в Китай в поисках Закона Будды («Нитто: гучо: дзюнрээй ко:ки»)	9
<i>Е. М. Дьяконова</i>	
Гора Цукуба в истории японской поэзии. От архаики к классическим формам	26
<i>М. В. Торопыгина</i>	
К вопросу о рубрикации свитков в императорских поэтических антологиях	41
<i>М. В. Есипова</i>	
Некоторые особенности буддийской музыкальной иконографии Японии	59
<i>А. М. Дулина</i>	
Почитаемая триада божеств в «откровениях трех святилиц» (сандзя такусэн)	77
<i>М. В. Бабкова</i>	
Как можно надеяться стать буддой, не совершая подношения буддам и патриархам? (Ритуальные способы выражения почтения в японской традиции созерцания XIII–XIV вв.)	89
Догэн	
Заклинания дхарани. Перевод и комментарии М. В. Бабковой	97
<i>Н. Н. Трубникова</i>	
«Сборник наставлений в десяти разделах»: рассказы о хитрецах и простаках	103
<i>А. И. Ковалевская</i>	
Формирование образов «Сказания о Ёсицунэ» на примере сюжетов о чудесном рождении и героической смерти	118

В. Ю. Климов	
Восстание 1441 года	133
А. А. Дудко	
Упоминания известных мест (мэйсё) в путевых дневниках эпохи Муромати (на примере «Одзима-но кутидзусами» Нидзё Ёсимото, «Нагусамигуса» Сётэцу и «Фудзикава-но ки» Итидзё Канэра)	148
Е. Э. Войтишек, А. А. Речкалова	
Геральдика синтоистских святилищ в Японии	158
Д. В. Трухан	
Процессии даймё: как политический инструмент (в свете рассмотрения системы санкин ко:тай)	168
А. С. Оськина	
Иллюстрированная книга «Эхон Ханакадзура» (1765 г.): воспитание книгой в эпоху Эдо	176
Цветочный венок. Перевод и комментарии А. С. Оськиной	183
А. Ю. Борькина	
Литературные истоки «забавных книг» коккэйбон	196
М. К. Цой	
Поэтический сборник «Мутамагава»: жанровые особенности и история создания	203
С. И. Голубченко	
Историческая география Японии в списках достопримечательностей провинции Кавати («Кавати мэйсё дзуэ»)	211
В. В. Щепкин	
Айны как «другой» Японии в сочинениях японских мыслителей XVIII в.	222
О. В. Климова	
Расследование действий Хвостова и Давыдова во время экспедиции на Сахалин и Курильские острова в 1806–1807 гг.	233
А. В. Климов	
Лейтенант Рудановский — исследователь острова Сахалин	248
Е. Л. Скворцова	
Просвещение эпохи Мэйдзи: трудности перевода	260

<i>А. Л. Луцкий</i>	
Японский просветитель Ниси Аманэ и позитивизм	273
<i>Е. Е. Боборыкина</i>	
Можно ли считать каллиграфию искусством?	
Дискуссии о каллиграфии в эпоху Мэйдзи	282
<i>О. И. Лебедева</i>	
Семейная метафора в японской государственной идеологии	
1890-х — 1900-х годов	287
<i>К. А. Спицына</i>	
Памятники промышленного наследия в Японии	302
<i>С. И. Марахонова</i>	
Об одной исчезнувшей японской художественной коллекции	
и ее владельцах	316
<i>А. Б. Шарова</i>	
Игры сугороку — знакомство с далекими странами	332
<i>А. Н. Мещеряков</i>	
Всемирная выставка 1970 года в Осаке: между прошлым	
и будущим	346
<i>М. Л. Теракопян</i>	
Осмысление трагедии 11 марта 2011 г. в кино	362
<i>И. С. Тихоцкая, Адиль Мухамбетов</i>	
Утилизация отходов в Японии: история и культура	376
<i>А. П. Беляев</i>	
Особенности классического и современного японского письма	
разновидности кана	387
Указатель содержания сборников, изданных по итогам конференций	
«История и культура Японии»	422
Авторы сборника	434

и90 История и культура традиционной Японии 10 = History and Culture of Traditional Japan 10 / РГГУ, Ин-т восточных культур и античности ; под ред. И. С. Смирнова ; отв. ред. А. Н. Мещеряков. — СПб. : Издательский Дом «Гиперион», 2017. — 440 с. : ил. — (Orientalia et Classica : Труды Института восточных культур и античности ; вып. LXIX).

ISBN 978-5-89332-295-8

Настоящий сборник составлен на основе материалов 19-й ежегодной конференции «История и культура Японии», состоявшейся в феврале 2017 г. в Российском государственном гуманитарном университете.

В сборник вошли статьи по истории Японии, ее религиям, литературе, музыке и др., а также материалы по истории отношений между Японией и Россией и переводы нескольких памятников японской словесности.

Для всех, кто интересуется историей и культурой Японии.

УДК 94(520)

ББК 63.3(5Япо)-7я43

Научное издание

История и культура традиционной Японии 10

Ответственный редактор
А. Н. Мещеряков

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Реноме»

Подписано в печать 21.08.2017. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 27,5. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 165.

Издательский дом «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 78.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: renome@comlink.spb.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru